

«По жизни я Щукарь»

Так аттестовал себя в самом начале нашего разговора сегодняшний собеседник. Знакомьтесь: в гостях у пятничной толстухи старейшина цеха калужских живописцев Лев Николаевич КАЗАКЕВИЧ. Хотя чего уж там - «знакомьтесь!» Этот замечательный человек без малого девяносто лет ходит по улицам областного центра. Его знают многие поколения калужан. Он - живая история.

Сотни портретов земляков разных поколений создано кистью мастера, члена Союза художников России. Давно на слуху имя его дочери Валентины. Она тоже художник. Золотые руки у сына Бориса, он реставратор, работает в краеведческом музее. Музейным работником прослужила и скромнейшая Вера Васильевна, супруга патриарха, пережившая шестьдесят лет тому назад блокаду Ленинграда.

Долго не удавалось с ним обстоятельно побеседовать. Лев Казакевич - человек-ртуть, он минуты не может сидеть без дела. «Знаете, с удовольствием бы поговорил с вами, да вот на этюды бегу. Нельзя откладывать - солнце заходит...» Или: «Срочно надо к выставке картину докрасить, давайте в следующий раз поговорим...» Или: «Нет-нет, не могу! Извините уж. На заседание пушкинского общества тороплюсь...» Но в один из недавних дождливых дней удалось-таки разговаривать Казакевича в его мастерской.

- Так почему же вы дед Щукарь, Лев Николаевич? Такой же непоседа?

- Не только поэтому. В основном потому, что на меня всю жизнь шишки валяются. С самого рождения. Шолоховскому Щукарию еще далеко, пожалуй, до меня. Его по жизни максимум бугай рогом поддал или баба горячими помоями облила. А меня не раз с того света буквально вытаскивали.

- Лев Николаевич, притом вы, слава Богу, не только живы, но и еще картины замечательные пишете и очков не надеваете. Расскажите, пожалуйста, о себе нашим читателям.

- Начать с того, что я даже не знаю, в каком году родился. По старому летосчислению - это еще 1915-й был, а по-новому, советскому, уже 1916-й, притом получается в аккурат на Рождество Христово. А при крещении меня простудили, и очень сильно. Батюшка, видать, слишком холодную купель приготавил, ну и мороз, видимо, был крепкий. В общем - сильнейший свищ в левом ухе, череп долбить пришлось, трепанацию делать. Так всю жизнь с дырой за ухом хожу, слышу плохо на это ухо. От этого лиха еще не оправился, как новое накатило - бруцеллез получил. Врач моей маме уже вынесла определение: «Не жилец он у тебя. Смирись. Молодая еще, новых нарожаешь...» А лет семь мне было - так я в Оке утонул. Да. Тут, под парком пляж был. И народу кругом полно в тот день было...

- Как это утонул?

- Самым форменным образом. Эту историю я уже хорошо помню. День был жаркий. Мама мне купаться запрещала, плавать я не умел. А ребяташки старшие сманили - пойдём. Ну и сам не удержался, по колёну в воду зашёл. Там яма была у берега, я оступился, течением поволокло. Затянуло на глубину. Побултылся малость, да и смирился уже, только думаю: «Мама ругаться станет, плакать...» Помню сквозь толщу воды мужика голого - стоит в воде, мочалкой натирается, а меня не спасает. Но в итоге, видимо, понял, что тону, и вытащил за пятку. Сразу же откачали меня, оживили.

Лет через десять было - я уже в техникуме учился - из-под снега меня откапали, практически оочевевшего. Мола тогда была - нас, молодежь сознательную, посылали по деревням за колхозы агитировать. Меня отрядили километров за пятнадцать-двадцать. Году в 32-м это было. Зима тоже лютая была, голод. Одежонки нормальной у меня не было. Пошел на лыжах, часа три ходу, не более. А

нашли меня в лесу, уже из-под снега не видать... Жизнь моя длинная вся за малым исключением в Калуге прошла, надеюсь, что в Калуге и закончится. Биография полна «курьезов». Сегодня все снова прокручивается: в железнодорожной катастрофе побывал, под расстрелом стоял. Роман «Войну и мир» можно написать...

- А где осваивали нелегкое это дело - живописный портрет?

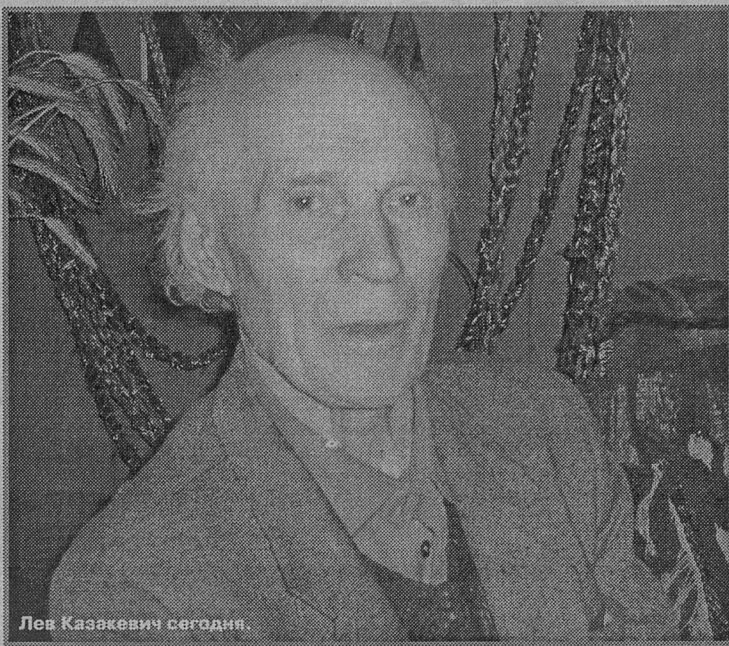
- Тоже непростая история. Семилетку, строительный техникум окончил - железнодорожное отделение. Сначала послали в Подомосковье работать, вскоре под Брянск перебрали, на станцию Комаричи. Там-то со мной и произошло. Возвращался вечером с путевых работ на дрезине. А на пристанционной кривой в нас паровоз врезался... Я был весь переломан. Долго в больнице лежал. Местный хирург мне удружил - сделал одну ногу на шесть сантиметров короче. Это было года за четыре до войны.

- Стало быть, в Красную Армию вы не попали?

- Не скажите. Попал. Писал письма в военкомат и лично маршалу Ворошилову. В итоге все-таки призвали, не строевым, конечно, однако на фронт повезли. И было это весною сорок пятого. Далеко не увезли, поскольку войне конец вышел.

- Как все же художником стали?

- И не думал и не гадал. Отец - железнодорожник, мама - домохозяйка. К искусству никакого отношения. Я в некотором роде по стопам отца пошел. Но мечтал о высшем образовании. В 1937 году поехал в Москву в МГУ поступать, на биофак. В МГУ не поступил, а очутился в Институте кожевенной промышленности. Учусь себе, живу в Алексеевском студгородке, недалеко от ВДНХ. Это кожевенное дело мне

Лев Казакевич сегодня.

поменьше осточертело, но терплю. Как-то прочел объявление в газете: открываются курсы рисования для рабочей молодежи. Поехал полюбопытствовать, а мне говорят: приезжай послезавтра на испытания. Приехал. Надо было гипсовую голову карандашом изобразить - дело для меня диковинное. Но все же, как мог, нарисовал я эту Венеру. Потом, глядя, а моя фамилия в списках принятых. Стал учиться на курсах, их скоро преобразовали в институт, учителей рисования и черчения для школ готовить. Втянулся в это дело, понравилось, успехи появились.

- Кожевенный бросили?

- Да, не дотянул до диплома. Хотя и крутился как белка в колесе. В 41-м вернулся в Калугу, определили в 9-ю школу учителем рисования. Тут война, оккупация. Хаос. Пожары. Немцы на подступах к городу, а наш горисполком всё заседает. По радио день и ночь: «Прекратить чехомоданное настроение! Всем оставаться на своих рабочих местах вплоть до особого распоряжения!» А какие там рабочие места - все крупные предприятия уехали. Нашей семье, точнее отцу, выпала разрядка эвакуироваться, бумагу выдали с печатями (она и сейчас у меня хранится) - день, эшелон, время эвакуации. Мы прибыли со скарбом немудрящим, а состав без нас ушел раньше срока. Все гремит, горит. Лица в штатском кругом, но уже с немецким акцентом: «Как на пошта найти?..» Это фашисты вперед лазутчиков выслали для деморализации населения. Что делать? Возвращаться домой нельзя, там уже немцы. Пошли в Подзавалье, к знакомым. Живем у них несколько дней. Наши оставили Калугу, стало потише. Немцы веселятся, песни горланят. Городского голову назначили - некоего Щербачо-

ва, такой на вид старичок был плюгавенький.

- Вы его сами видели?

- Еще бы! Меня из-за него на расстрел повели уже было. История, достойная Булгакова! Если бы соседка Зина в нужный момент не стала выносить помой - расстреляли бы меня ни за поношку табаку. А дело было так. Сажу я как-то днем, картошку чищу, матери помогаю. Вдруг какой-то сильный хлопок поблизости, как будто в нашем дворе. Я сизмалства любопытен был, на двор выскакиваю - что такое? Нет ничего. Сидим, обедаем. Вдруг откуда ни возьмись немцы вооруженные. Целая команда. Двор - в окружение, автоматы наизготовку: «Хенде хох! Выходи, стройся! Обыск». Меня хватают и волокут со двора. А я ничего не понимаю, переводчика нет. Потом дошло - на расстрел тащат. Мать уже в ногах у командира валяется, плачет. Меня прикладами в спину гонят. Я испугался и как бы оцепенел. Вот тут-то соседка Зина и вышла помой выносить. Увидала сцену - и шашь обратно в свою избу. Через минуту оттуда пьяный немецкий солдат бежит, на ходу ремень застегивает, штаны. К командиру подбегает, честь отдает и что-то ему громко, быстро по-немецки шпарит. Тот сначала на него рыкнул, потом выслушал, ко мне поворачивается и орет: пошел, дескать, отсюда, дурак, и не попадайся под руку! А сам собой - громила под два метра роста.

- Что же произошло, Лев Николаевич?

- А произошло вот что. Немец с соседкой всю ночь веселился, а утром он от полноты счастья, видно, взял да и швырнул гранату на улицу. Граната взорвалась, а недалеко Щербачов проходил с сопровождающими лицами. Он, конечно, тотчас же немцам жаловаться побежал, дескать, покушение на меня, господа завоеватели...

- Действительно, чистый Булгаков, только с точностью наоборот! Там пролитое Аннушкой масло погубило персонаж. А тут помой, вылитые Зиночкой, вас спасли.

- А могла ведь Зинка и не выйти. Могла не побежать к своему немцу. А главное, тот мог промолчать, ему шутка с гранатой могла боком выйти.

- Понятны теперь ваши многие картины - войну и оккупацию вы воочию видели. А вот ваша тема «Циолковский»?

- Тоже воочию видел и слышал Константина Эдуардовича. Он выступал у нас в городском аэроклубе примерно за год до смерти. Призывал молодежь советскую в авиаторы идти. Кстати, под звуки знаменитого марша авиаторов «Всё выше, и выше, и выше!..»

- Смешное бывало в жизни? Неужели только шишки?

- Расскажу вам один случай, а вы уж сами решайте, курьез это или шишка. После войны, в 50-е годы, я уже окончательно, как вы поняли, стал художником, членом тогда еще очень мало-мощного товарищества калужских художников. Там было-то всего два-три старичка, точно таких, как я сегодня. Они в здании за Карлом Марксом сидели на втором этаже. Моя, так сказать, творческая судьба сразу поставила меня на тернистый полудурашливый путь «официального портретиста». Это так называемая техника сухой кисти. Тут уже к шестидесятым годам мне и равных в Калуге не было. Все заказы на членов Политбюро, обкомов, парткомов, героев труда - на меня обрушивались.

Поручили мне как-то в середине 70-х к октябрьским праздникам большущий портрет нового члена Политбюро - для украшения фасада. Я заказ выполнил, его приняли, меня похвалили и даже премировали. Потом один чудак мне говорит: а что же ты его без Золотой Звезды нарисовал? И суёт мне под нос газету - гляди, дескать, вот ему присвоили. Я не очень внимательно глянул: да, вроде присвоили. Быстренько взял трафарет и натер ему звезду на пиджак. На следующий день портрет увезли и повесили на предназначенное место. За пару дней до парада вызывает меня директор наших

мастерских (они уже при Союзе художников были) Клара Степановна и прямо трясушимися губами: «Что же это вы натворили, Лев Николаевич? Откуда звезду взяли? Срочно езжайте, сейчас за вами машина придет - закрашивайте». Подняли меня на автолюльке. Холод собачий, ветер. Люльку болтает. У меня голова кружится. Только кистью ткнешь в звезду злополучную - люлька от фасада отъезжает. Ну, ладно, кое-как закрасил. Так что вы думаете? Через две недели этому члену все-таки звезду присвоили! И меня снова подымали рисовать звезду на прежнее место. А было уже намного холоднее. Да и нарисовать - это вам не черной краской закрасить...

- Спасибо, Лев Николаевич. Очень смешной случай. Тоже достойный шолоховского Щукаря. Но вам, видимо, тогда не до смеха было.

- Конечно, не до смеха. Меня и выгнать с работы могли.

- Сегодня нам, к сожалению, о вашем творчестве, собственно, и поговорить не пришлось. А вы же лауреат нашей вестинской спешки. Ну что, до новой встречи?

- До новой встречи!..

Валерий ВАСИЛЬЕВ.

На фотопроизведениях с работ Л. Казакевича: знаменитые в 60-70-х годах калужские передовики труда.

